



Жил поэт...

О, Переславль, седая наша древность,
Сама судьба сроднила нас с тобой.
В моей груди к тебе любовь и ревность,
В глазах моих — ты вечно молодой.

24 октября 1997 года умер автор этих строк, поэт земли переславской, многие годы корреспондент газеты «Коммунар» Михаил Никитич Карсаков. Прожил он 78 лет, прожил честно и талантливо, в последние годы мужественно борясь с тяжёлой болезнью. Его все любили — родные и близкие, сослуживцы по берендеевскому предприятию, которому он отдал сорок лет, фронтовые товарищи, соседи и знакомые. Любили за доброту, порядочность и верность, за ясный ум и талант. Его жизнь с большой полнотой отразила жизнь великого, может быть, последнего русского поколения, сочетавшего в себе культуру лучших времён с чистотой сердца, доверчивостью, мужеством и любовью к Отечеству. Любимыми поэтами Михаила Никитича были Есенин, Пушкин, Лермонтов. До последних дней он легко мог вспомнить философские ёмкие стихи этих и других поэтов, произнести их вовремя, просто и мудро.

Можно сказать, что по своему таланту Михаил Никитич был самородок. Он не был профессиональным поэтом, стихи писал «для души», в свободные минуты, но в них часто имелись строки, которым мог позавидовать профессиональный поэт. Они захватывали читателя пронзительной поэтичностью, высотой взгляда, музыкой слов.

«Снова весну мы встречаем в разлуке,
Пули по-прежнему рядом свистят...»

«Осенний ветер плачет за окном.
Дождь льёт и льёт, и лист уже свалился.
Сегодня утром я в артпарк зашёл
И миномётам низко поклонился».

«Курлычат в синем небе журавли
И шар земной наклон оси меняет...»

«День погас и нахмурился вечер,
Зажигаются в окнах огни.
В небе звёзды, как яркие свечи,
Из космической дали видны».

Михаил Никитич иногда вспоминал, что в армии был запевалой, но мало кто знает, какой изумительной красоты был его голос. Когда Николай Иванович Яровицын — баянист и бессменный руководитель художественной самодеятельности (отец знаменитого Владияра) — однажды услышал его тенор, то несколько месяцев умолял автора выступить на сцене. Не уговорил — ведь мы привыкли разбрасывать жемчуг мимоходом, стесняясь и не считая такое занятие в жизни основным...

Политические преобразования в стране Михаил Никитич встретил с одобрением, считал это главным, а хозяйственное разрушение временным явлением. В духовном возрождении он видел

спасение для России и без него будущего не принимал. Однако было видно, что он тяжело переживал развал родного предприятия и жизнь земляков.

Обострилась его хроническая болезнь. В больнице, куда он был доставлен, нарушилось отопление — пришлось уйти домой. В тот последний день «скорая помощь» не приезжала долго. И, может быть, он и подумал, что раньше с медициной было лучше... Впрочем, этого мы не узнаем никогда.

Умер он легко, дома, как и хотел, в присутствии жены, с которой прожил 51 год.

Когда-то тёплым летним днём маленький Миша нёс задворками родного села котёнка в только что построенный новый дом отца... Земная жизнь кончилась. Он стал последним в отцовском роду.

Похоронили поэта по православному обычаю — после отпевания, на третий день. Последний приют его тело нашло на краю берендеевского кладбища. Кладбища, которое быстро становится очень большим.